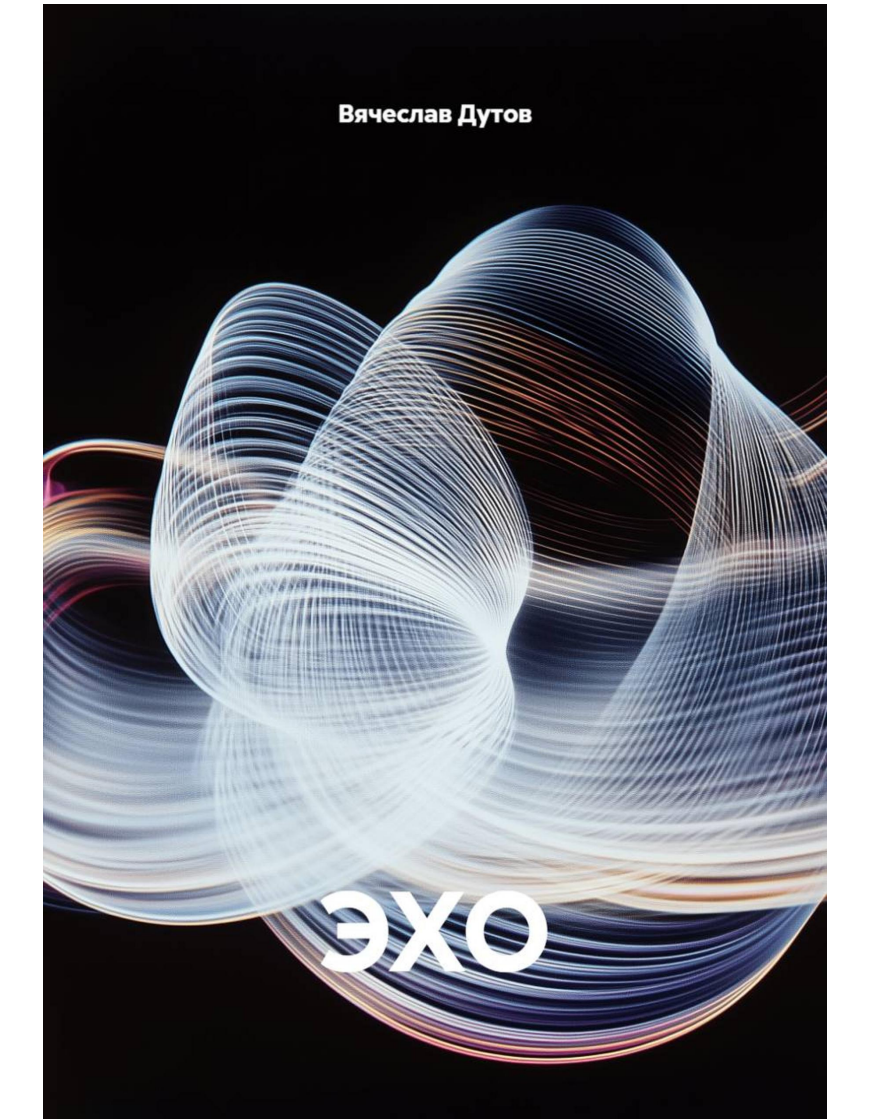

Вячеслав Дутов

ЭХО

Вячеслав Дутов

ЭХО

<https://litres.ru/74196289>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Эхо»

Он считал себя программистом, который строит будущее. А оказался биороботом, который ничего не знает о прошлом.

Студент Андрей презирал историю — пока не лёг в нейрокапсулу. Она показала ему не даты и имена. Она показала ему его собственную кровь. Три жизни его предков. Три смерти, без которых он бы не родился. И одна пуля, которая должна была оборвать всё ещё до того, как он сделал первый вдох.

Но эхо прошлого не затихает. Оно возвращается, чтобы напомнить: ты — не просто функция. Ты — выбор, сделанный за сотни лет до тебя.

Ты биоробот? Или человек? Хватит ли у тебя смелости узнать?

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Вячеслав Дутов

ЭХО

Глава

Пролог.

Я открыл глаза в пасмурную пустоту.

За окном было серо. Не утро даже, а так — недоразумение какое-то. Октябрь давил на подоконник мокрым стеклом, капли собирались в жирные дорожки и ползли вниз, будто им тоже не хотелось начинать этот день.

На тумбочке тускло светился экран телефона.

07:42.

— Твою то мать... — привычно прохрипел я голосом, которым не пользовался последние часов шесть.

Будильник стоял на 07:00. Я его даже не услышал. Или услышал во сне, решил, что это не для меня, и перевернулся на другой бок. Талант, да. Тренировал годами.

Я сел, свесил ноги с кровати, тяжело вздохнул и замер. Потом натянул носки и джинсы, глянул на часы — и только тогда окончательно проснулся.

Комната была моей с детства. Мама ничего в ней не меняла лет десять, разве что старые обои сменила на нейтральные, светлые. На косяке — карандашные засечки моего ро-

ста. На столе — ноутбук, заваленный распечатками, тетрадями и тремя кружками разной степени чистоты. На подоконнике пылилась гантеля — купил в прошлом семестре с мыслью «начну новую жизнь». Она всё ещё ждала. А где валяется вторая... Даже и не помню.

На двери висел плакат с подмигивающей Марго Робби — нравится она мне. А на стене — старые фотографии в рамках. Дед в форме, бабушка с дедом на свадьбе, мама, папа и я на море, отец на фоне горной реки. Я смотрел на них каждое утро и уже давно не замечал. Их развесила мама после гибели отца.

Пахло сном, старым пледом и холодным чаем.

— Андрей! — голос матери из коридора.

— Ага, — ответил я, застёгивая джинсы.

— Сырники готовы. Под крышкой. Не дай им остыть.

Я громко стукнулся коленом о тумбочку, выматерился шепотом и похромал к двери.

Кухня была маленькой, уютной и пахла детством. Мама стояла у плиты спиной ко мне, мыла чашку. Увидела в отражении окна — и обернулась, улыбнувшись.

— Ну, привет, соня.

— Привет, — буркнул я, садясь за стол.

Сырники лежали на тарелке под стеклянной крышкой, как музейные экспонаты. Румяные, с изюмом. Я снял крышку — и по кухне поплыл тёплый, маслянистый запах.

— Ты не ел вчера нормально, — сказала мать, не оборо-

чиваясь.

— Я ел.

— Йогурт на бегу — это не еда.

Я промолчал. Сырники были тёплыми, мягкими, с хрустящей корочкой. Отправил в рот третий кусок и посмотрел на часы над плитой.

07:51.

— Мам, я опаздываю.

— Успеешь, — спокойно ответила она. — Ты всегда успеваешь, когда не ноешь.

Я сунул в рот последний сырник, запил горячим чаем из кружки, которая помнила мой первый класс, чмокнул маму в щёку и рванул к двери.

— Рюкзак! — крикнула она в спину.

— Помню!

Не помню. Пришлось возвращаться.

Когда я вылетел из подъезда, в лицо ударил сырой липкий ветер. Натянул капюшон, сунул руки в карманы и почти побежал к остановке.

Электробус пришёл быстро. Я запрыгнул, ткнул карточкой в валидатор и втиснулся между тёткой с огромной сумкой и хмурым мужиком в кожанке.

Лекция по истории. Евгений Геннадьевич. «Старый пердун», как про себя его называю. Он искренне верил, что его предмет важнее всего. «Смыслы», «память», «ответственность». На историю мне было плевать, но Евгений Геннадье-

вич ставил «зачет» только тем, кто ходит. А спорить с ним было единственным развлечением на этих скучных парах.

Я достал телефон. Чат группы горел сообщениями:

«Кто на пару?»

«Буду»

«А истка говно»

«Подписывайся, гений»

Я усмехнулся и напечатал:

«Иду. Только ради того, чтобы поспорить со стариком»

Электробус дёрнулся — моя остановка. Я выпрыгнул на мокрый асфальт, пробежал мимо шлагбаума, влетел в дверь университета и почти бегом направился к третьей аудитории.

Понятия не имел тогда, что этот спор станет последним днём моей обычной жизни.

Глава 1.

Я влетел в аудиторию за минуту до звонка.

Амфитеатр спускался к доске широкими ступенями. Вход наверху, кафедра с столом и огромным плазменным экраном внизу. Студенты сидели плотно — кто-то уже залип в телефонах, кто-то стучал по «клавам» ноутов, вбивая коды в свои «халтурные» проекты, пара человек на галёрке отсыпались. Все мы как-то стараемся подрабатывать, стипендии, конечно, не хватает. А многие вообще в общежитии живут, а там разве поспишь ночью...

— О, герой! — бросил кто-то с верхних рядов.

Я боком проскакал по ступеням, балансируя руками и скидывая на ходу рюкзак. На третьем ряду, у прохода, сидела Марина. Когда я поравнялся с ней, рука сама потянулась — коснуться плеча, сделать вид, что это случайность, чтобы не упасть.

Она даже не вздрогнула. Не шевельнулась.

Марина. Красавица. Она напоминает Марго Робби в моих юношеских снах и на плакате. Та же усмешка, тот же взгляд исподлобья. Марина нарочно копирует ее стиль — тот самый, из фильма «Конченная». Узкая черная юбка, красный свитер с глубоким декольте, пышные светлые волосы волнами спадают на плечи, когда хочет быть особенно дерзкой. Мы все это замечаем. И она знает. И продолжает.

Нравится она мне, может даже влюблен. Безответно, конечно. Она на меня даже не смотрит. А я на неё — постоянно. Идиотизм.

Я спустился ниже — на второй ряд, почти у самой доски. Содрал с себя рюкзак и плюхнулся на своё место. Рюкзак упал на пол с глухим стуком.

Профессор хмыкнул и пару раз хлопнул в ладоши, оценив мой пролет.

Студенты прыснули потихоньку, ухмыляясь.

Я умел их радовать своими выходками. Душа компании, куда деваться.

— Ну ты даёшь, Андрей, — шепнул Димка, мой кореш.

— Тсс, — ответил я, откидывая крышку ноута. — Пред-

ставление только начинается.

А сегодня группа ожидала представления. Того самого, о котором я писал в нашем групп-чате.

Я достал телефон. Чат горел сообщениями:

«Андрюха, жги»

«Только не вылети»

«А если зачёт не поставит?»

«Пофиг. Всё или ничего»

Ой! Даже «стеклянная» Марина отметилась: «Ну-ну, посмотрим!»

Они ждали. Я обещал шоу. И я его устрою.

Я усмехнулся и убрал телефон, хотя сердце участилось, а уши начали гореть. Вот интересно, если она сидит позади меня, видит ли мои уши? А если видит? А если...? А если...? Эмоции и воображение крутанулись во мне волчком.

«Три глубоких вдоха», — сказал я себе и начал про себя считать. Раз, два, три — вдох. Раз, два, три, четыре, пять — медленный выдох.

Мы — студенты факультета информатики и программирования Политеха. Наследники Кнута и Гейтса. А вместо нейросетей и высоких нагрузок по специализации мы слушаем лекции о том, кто с кем воевал в тринадцатом веке.

Ну правда! Ну сколько можно!

«История — это багаж, который тащат за собой слабаки». Я эту фразу придумал, когда учился на первом курсе. И сам знаю, какая она дурацкая. Но обратно засунуть уже не могу.

Я бы давно выкинул историю из учебной программы. Даже подговаривал ребят написать петицию ректору — чтобы часы с непрофильных предметов отдали профильным. Полгруппы согласились. Другая половина побоялась, профессор же зачёт ставит.

Трусы.

Ну ничего. Сегодня я устрою профессору экзамен с его «смыслами», «ответственностью» и «памятью».

Глава 2.

Профессор тем временем подошёл к кафедре, опёрся на неё обеими руками и обвёл аудиторию долгим, спокойным взглядом.

Евгению Геннадьевичу уже под семьдесят. Но если б не седина и не мелкая сетка морщин вокруг глаз, никто бы не дал. Крепкий, подтянутый — чувствуется, что молодость прошла не за книжками. Он не сутулился, не кряхтел, не жаловался на давление и погоду. Держится прямо, говорит внятно, шутит остро. И ни разу — не свысока.

Вообще, он нам нравился. Как человек. Не как преподаватель истории — это отдельная песня.

Он мог начать лекцию с рассказа о том, как в молодости гонял по чёрным трассам Альп. Сноубордист, представляете? Седой профессор истории, который всё ещё мог бы дать фору любому из нас на склоне. Рассказывал без хвастовства, скорее с лёгкой усмешкой, будто сам удивлялся, что это всё было с ним.

Или мог вдруг привести пример из современности — про IT, про соцсети, про то, как древние конфликты повторяются в новых лицах. И мы ловили себя на мысли: а ведь интересно. Когда он не требовал дат.

Вот в чём беда. Он всячески пытался нас заинтересовать. Находил нетривиальные ходы, связывал прошлое с настоящим, зажигал глаза даже у тех, кто пришёл просто отсидеть. Но от исторических дат, событий и имён на зачёте никуда не деться. Это как проходная балка: перепрыгнул — молодец, не перепрыгнул — возвращайся через полгода.

Их нужно было учить. Зубрить. Вбивать в голову, как таблицу умножения, которую ты всё равно забудешь через месяц.

Я зубрил. Каждый раз перед зачётом. И каждый раз понимал, что через три дня не вспомню ни одной даты. Ну вот незачем.

Профессор считал иначе. Но сегодня — посмотрим.
— Андрей! Андреей!

Голос профессора и лёгкое постукивание пальцев по кафедре выдернули меня от экрана ноутбука.

Неожиданно.

Я вздрогнул и поднял голову. На экране застыл полунаписанный код — строчка обрывалась на середине. Я даже не заметил, как отключился от реальности.

— Напомни мне, пожалуйста, даты французской буржуазной революции, — улыбаясь произнёс профессор.

Я моргнул.

— Евгений Геннадьевич! Мы ж эту тему сдавали в прошлом году. И я сдал, — проямлил я, судорожно пытаюсь собраться с мыслями.

Чёрт. Врасплох меня застал.

— И? В чём проблема? — с иронией спросил профессор.

— Уже не помню, — ответил я, потихоньку закипая.

Внутри поднималась горячая волна. Не от стыда — от злости. На себя. На то, что попал в дурацкое положение. На профессора, который сделал это так легко, будто ничего не случилось.

— А кто-то в аудитории помнит? — обратился к молчащим студентам профессор, окидывая взглядом амфитеатр.

Я замер и оглянулся.

Позади медленно поднялась рука.

Марина.

— С 14 июля 1789 года до 9 ноября 1799 года, — произнесла она с лёгкой гордостью в голосе.

— Умница, хоть и красавица! — улыбнулся профессор.
— Молодец.

Студенты захихикали.

Я сжал зубы. Конечно. Кто же ещё. «Идеальная» Марина не только выглядит как кинозвезда, но ещё и даты помнит. Бесит.

Уши опять начали нагреваться. Я чувствовал, как они розовеют — предатели. Сиди теперь, красный, как рак, перед

всей группой.

— Евгений Геннадьевич, позвольте вопрос? — я понял, что пора начинать. Тем более что отступать уже некуда.

— Конечно, Андрей. Задавай, — кивнул профессор, посмотрев на меня с любопытством.

Я выпрямился, откинулся на спинку стула, сделал глубокий вдох.

— Мы с ребятами часто обсуждаем вопрос — зачем нам история? Ведь мы люди, выбравшие будущие профессии информационных технологий. Будем работать в различных цифровых областях, писать коды, строить дата-центры... Да ещё много чего!

Голос мой звучал громче, чем я планировал. По аудитории прокатилась волна шепотков. Димка одобрительно кивнул. Кто-то на галёрке присвистнул.

Я поймал себя на мысли, что уже не контролирую разгон.

— Зачем нам всё это? — я обвёл рукой аудиторию. — Даты, события, имена, которые мы всё равно забываем через три дня после зачёта?

Профессор молчал. Смотрел внимательно, без насмешки.

— Вы считаете, история не нужна? — спросил он тихо.

— Я считаю, — сказал я, чувствуя, как уши горят уже огнём, — что она не должна быть обязательной для всех. Особенно для тех, кто смотрит в будущее.

Профессор снял очки, медленно протёр их платком.

— Поднимите руки, кто считает также, — обратился про-

фессор к студентам.

Я обернулся.

Сердце колотилось где-то в горле. Я смотрел на одногруппников и мысленно молил их о поддержке. Ну же, ребят. Не подведите. Мы же обсуждали это сотню раз. В чатах, на переменах, в курилке. Петицию предлагали. Помните?

— Не будьте трусами, наконец-то, — шептал я про себя, почти по губам. — Всё или ничего.

Первая рука поднялась.

Димка. Конечно, Димка. Кореш, не подвёл.

Потом вторая. С галёрки, откуда-то с последних рядов. Не разобрал кто. Третья. Четвёртая.

Руки студентов поднимались медленно, но их становилось всё больше. Кто-то тянул неуверенно, оглядываясь по сторонам. Кто-то, наоборот, резко вскидывал — мол, я всегда так считал. Полгруппы. Может, больше.

Я почти заулыбался.

И тут поймал взгляд Марины. Она смотрела прямо на меня. В упор. Её рука не была поднята. Она ждала.

В глазах — бесячий огонёк. Усмешка на губах.

Медленно, не отрывая от меня взгляда, Марина начала поднимать руку.

Спокойно. Почти лениво. Как будто делала одолжение. Как будто говорила: «Смотри, Андрей, я тоже. Но не потому, что ты меня уговорил. А потому что мне так захотелось».

Я замер.

Рука поднялась до конца.

Марина отвела взгляд первой. Откинулась на спинку стула, скрестила руки на груди, уставилась в потолок. Вся такая — «я тут вообще ни при чём».

Я выдохнул. И только тогда заметил, что не дышал последние секунд десять.

Профессор окинул взглядом лес поднятых рук.

— Что ж, — сказал он задумчиво. — Большинство. Неожиданно. Значит, будем разбираться.

— Андрей, — позвал профессор. — Выходи сюда.

Он указал на стул у кафедры.

— Поговорим с тобой, как с типичным представителем будущего айтишника. Которых, как я понимаю, здесь собралось большинство.

Я поднялся.

По аудитории прошёлся шумок — кто-то присвистнул, кто-то захихикал. Димка сжал кулак в жесте «давай». Я кивнул ему, стараясь выглядеть спокойным, хотя внутри всё трепетало.

Профессор окинул аудиторию долгим взглядом. Умудренным, как мне показалось. Или нет? Чёрт его разберёт.

Мысленно я уже потирал руки.

Я ведь обещал представление. Сейчас буду его мочить.

Я спустился на кафедру. Старался идти не спеша, с достоинством. Ступени противно скрипели под ногами. На полпути чуть не споткнулся. Кто-то сзади прыснул. Я сделал вид,

что так и задумано.

Стул у кафедры стоял боком, чтобы было видно и профессора, и меня. Я плюхнулся на него, закинул ногу на ногу и откинулся на спинку, изображая абсолютное спокойствие.

Профессор сел напротив. Положил руки на стол, сцепил пальцы.

— Андрей, — сказал он негромко. — Ответь мне честно. Ты вообще хоть раз задумывался, кто ты сам?

«О как!» — подумал я.

И что он имеет в виду? О чём он? — пронеслось в голове, сидя на стуле у кафедры, изображая уверенность.

Профессор, видимо, заметил моё замешательство. Усмехнулся и продолжил:

— Поясню вопрос. Вы хотите стать биороботами?

Я моргнул.

— В смысле? — выдавил я.

— В прямом, — ответил профессор. — Вы, будущие ай-тишники, программисты, строители цифровых вселенных. Вы знаете, как работают нейросети. Как собираются алгоритмы. Как оптимизируются процессы. А как работает память? Ваша собственная. Человеческая. Не жёсткий диск, не облачное хранилище, а то, что делает вас — вами.

Он помолчал, давая мне время переварить.

— Откуда у тебя такой характер? Почему ты выглядишь именно так? Будешь ли ты лысеть с возрастом? Почему ты что-то помнишь, а что-то нет? — профессор развёл руками.

— Я ещё много чего могу спрашивать.

Он сделал паузу, окинул взглядом притихшую аудиторию.

— Но это вопросы к личности. А ты личность, Андрей?

Аудитория замерла.

Я сидел, чувствуя, как взгляды одноклассников впиваются в меня. Даже Димка не шевелился. Кто-то на галёрке, кажется, перестал дышать.

Вопрос висел в воздухе, как гиря.

Я - личность?

Ну да. Конечно. А кто же ещё. Паспорт есть, права собираюсь получать, зачётка вот — вон она, в рюкзаке.

Но профессор спрашивал не об этом.

— Я... — начал я и замолчал.

Потому что не знал, что сказать.

Профессор ждал. Не давил, не подгонял. Просто смотрел.

— Наверное, да, — выдавил я наконец.

— Наверное? — переспросил профессор с лёгкой усмешкой. — Или утверждаешь?

Я сжал зубы.

— А кто, по-вашему, личность? — спросил я в ответ.

Профессор улыбнулся — впервые за всё время. Не насмешливо, а будто обрадовался, что я задал этот вопрос.

Он повернулся на стуле в сторону аудитории, обвёл всех долгим взглядом и произнёс:

— Уважаемые биороботы узкого производственного назначения, обращаюсь к вам и прошу не обижаться. Вам от-

вечать за развитие цивилизации. И это не громкие слова.

По аудитории прошёлся лёгкий шумок — кто-то хмыкнул, кто-то переглянулся с соседом. Но никто не обиделся. Это был его стиль: жёсткая ирония, за которой чувствовалось уважение.

— Сегодня мало быть просто программистом, — продолжил профессор. — Наступило время переплетений наук и технологий. Назовёте?

Сверху, с галёрки, чей-то голос выкрикнул:

— Математика и биология!

— Верно, — кивнул профессор. — Ещё?

Тишина. Студенты задумались. Кто-то начал шептаться.

— Физика и химия? — неуверенно предложил Димка.

— Это прошлый век, — отрезал профессор. — Двести лет уже переплетены. Что-то посвежее.

Я сидел и слушал, чувствуя, как внутри шевелится что-то похожее на интерес. Чёрт возьми. Неужели он меня зацепил?

— Информатика и нейробиология? — подал голос парень с первого ряда.

— Уже теплее, — кивнул профессор.

— Программирование и когнитивная психология? — крикнули с левого фланга.

— Хорошо. Но всё не то.

Профессор поднялся, прошёлся вдоль доски.

— Самое главное переплетение, которое вы упускаете, — это технологии и история. Да-да, не удивляйтесь. Без пони-

мания того, как развивалось человеческое мышление, без анализа ошибок и побед прошлого, вы будете программировать роботов, которые повторяют всё те же глупости, что и их создатели.

Он остановился, упёр руки в бока.

— Настоящий прорыв будет не там, где вы напишете самый быстрый код. А там, где вы поймёте, зачем вы это делаете. Ради чего. Во имя кого.

Аудитория молчала. Даже я не нашёлся, что сказать.

Профессор вернулся к столу, сел напротив меня.

— А история... — профессор помолчал, собираясь с мыслями, или может быть, давая нам время впитать сказанное. — Знание и понимание истории помогает вам стать людьми и личностями.

Он взял маркер, подошёл к доске и написал крупными буквами:

ЧЕЛОВЕК — ЛИЧНОСТЬ

— Чем отличается одно от другого? — спросил он, обернувшись.

Тишина. Кто-то сзади кашлянул.

— Человек — это биологическая особь, — сказал профессор, указывая мелом на первое слово. — Дышит, ест, размножается, умирает. Как животное. Только с более сложным мозгом.

Он перешёл ко второму слову.

— Личность — это то, что остаётся, когда тело уже истле-

ло. Память о тебе. Твои поступки, твои решения, твоя ответственность за других. То, ради чего тебя вспомнят внуки и правнуки. Или не вспомнят — если ты ничего не оставил после себя.

Профессор положил маркер и оглядел аудиторию.

— Вы все — люди. Биологические особи узкого производственного назначения, как я выразился. Но личностями становятся не все. Только те, кто задаётся вопросами. Кто помнит, откуда пришёл. Кто задумывается, куда идёт.

Он сел напротив меня, сложил руки на столе.

— История, Андрей, — это не даты. Не имена. Не битвы. Это коллективная память человечества. Твоя память — её маленькая часть. Если ты отрезаешь себя от неё, ты остаёшься просто человеком. Особью. Биороботом.

В аудитории повисла тишина, но ненадолго.

— Евгений Геннадьевич, — подал голос Димка с моего ряда. — Всё это красиво звучит. Но где доказательства? Что характер передаётся, что поступки предков на нас влияют? Может, это просто гены и воспитание — и всё?

Профессор посмотрел на Димку, и в глазах его мелькнуло что-то похожее на одобрение.

— Хороший вопрос, — сказал он. — Гены — это фундамент, да. Но не всё здание. Вы слышали про эпигенетику?

Аудитория молчала. Я тоже не знал, что это.

— Это область науки, которая изучает, как поступки и переживания человека влияют на работу его генов, — пояснил

профессор. — И — самое интересное — эти изменения передаются детям. Даже внукам.

С галёрки, где обычно спали, раздался недоверчивый голос:

— А можно конкретный пример? А то звучит как фантастика.

Профессор усмехнулся.

— Пожалуйста. Голод зимы 1941–1945 годов. Немецкая оккупация, люди выживали на четырехстах-восемистах калориях в день. Детей, зачатых и выросших в голод, изучали десятилетиями. Оказалось, что у них изменена метаболическая регуляция. Они страдали ожирением и диабетом в два раза чаще обычного.

Он сделал паузу, давая нам переварить цифры.

— Но самое поразительное — эти изменения передались их внукам. Люди, которые не родились во время голода, всё равно несли его отпечаток в своей физиологии. Понимаете? Страх, голод, отчаяние — они не исчезают бесследно. Они остаются в нас. В наших клетках.

Теперь молчала вся аудитория.

— То есть, — тихо сказала Марина, и я даже обернулся на её голос, — эмоциональные переживания предков влияют на нас физически?

— И не только физически, — кивнул профессор. — На поведение, характер, на склонности, на то, как мы реагируем на стресс. Смелость или трусость, доверчивость или подо-

зрительность — это не просто воспитание. Это опыт предков вашего рода. Зафиксированный в эпигеноме. Как черновик судьбы, который вы можете переписать или дополнить — но сначала должны его прочесть.

Я почувствовал, как уши начали нагреваться. И сам не понял, зачем спросил:

— Ну, допустим. А другие примеры есть? Или только голод и стресс?

Профессор посмотрел на меня — и улыбнулся. Как будто только и ждал этого вопроса.

— Есть. Эксперименты на животных это подтверждают. Мышам сформировали условный рефлекс бояться запаха вишни. Ударяли током, когда они чуяли этот запах. Мыши научились бояться. А потом эти мыши дали потомство. И их дети боялись запаха вишни, хотя никогда не получали ударов током. Внуки тоже. Через сперматозоиды. Без всякого контакта с запахом.

Профессор встал, прошёлся вдоль доски.

— Понимаете? Страх отца становится страхом сына. Отчаяние деда — тяжестью в сердце внука. Но и наоборот. Подвиг прадеда может стать внутренней опорой правнука. Не в виде воспоминания — в виде ощущения: «Я могу. Я справлюсь. Мои предки справлялись».

— И что, — спросил я, чувствуя, как голос чуть сел, — это работает и с хорошими поступками? Любовь, самопожертвование, долг — тоже передаются?

Профессор остановился, посмотрел на меня в упор. Долго. До мурашек.

— Наука пока не даёт однозначного ответа, — сказал он тихо. — Но я верю — да. Потому что иначе человечество не выжило бы. Если бы передавался только страх — мы бы забились в пещеры и не вылезали. А мы вылезаем. Строим города, летаем в космос, пишем стихи. Значит, что-то сильнее страха нам передалось. Возможно, то, что сидишь здесь и сейчас перед нами и говоришь от имени всех, есть твоя родовая предрасположенность.

Он вернулся к стулу, сел напротив меня.

— От тех, кто жертвовал собой. Кто любил. Кто верил. Это и есть твоя Нить времени, Андрей. Ты держишь её в руках, даже когда не замечаешь. И это делает тебя личностью.

Я сглотнул. Уши горели так, что, наверное, весь ряд видел.

— А как это проверить? — спросил я. — Не на мышах. На себе.

Профессор медленно кивнул, будто только и ждал этого вопроса.

— В университет поступила экспериментальная установка, — сказал он негромко. — Нейрокапсула полного погружения.

Аудитория затихла. Даже те, кто ещё минуту назад клевал носом на галёрке, теперь смотрели вниз.

— Она считывает эпигенетические метки испытуемого, — продолжил профессор. — Те самые следы, о которых мы

говорили. Отпечатки страха, боли, любви, самопожертвования, которые достались нам от предков. А затем воссоздаёт виртуальное пространство — события и эмоции, при которых эти метки «родились». То, что оставило след на поколения в роду испытателя.

Он сделал паузу, обводя взглядом притихших студентов.

— Испытуемый не просто увидит прошлое. Он его переживёт. Датчики капсулы будут передавать эмоции непосредственно в мозг, воздействуя на определённые участки. Вы ощутите чувства человека, который жил за сотни лет до вас. Его боль. Его отчаяние. И его любовь. Я не смогу рассказать вам, как эта штука работает технологически, тут вам и карты в руки, как будущим айтишникам, - развел руками профессор.

— Это законно? — спросил кто-то с первого ряда.

— Вполне, — ответил профессор. — Добровольно. И под строгим контролем.

— А больно? — спросила Марина.

— Не физически, — покачал головой профессор. — Но эмоционально — да. Нужно быть готовым к сильным переживаниям.

Он повернулся, посмотрел прямо на меня.

— Ректор университета подбирает кандидатов. Но я имею право предложить кого-то из этой аудитории.

Моё сердце пропустило удар.

— Так что, Андрей, — профессор развёл руками, — ты

всё ещё уверен, что история — это просто даты?

Я не помнил, как вскочил.

Стул грохнулся назад. Кто-то охнул. Я даже не заметил.

— Это я! — услышал я свой голос. Он звучал громко, почти как крик. — Я согласен. Мне надо.

Аудитория взорвалась шумом. Димка свистнул. Кто-то захлопал. Я стоял, чувствуя, как колотится сердце, физически ощущая, взгляд Марины, впившийся в меня.

Профессор поднял руку.

— Тишина, — сказал он спокойно, и шум стих. — Решение принято. Андрей, после занятий подойди ко мне. Оформим согласие.

Я кивнул и вернулся на свое место, сел. И только тогда заметил, что ноги дрожат.

— Что ж, — профессор хлопнул в ладоши. — Продолжим лекцию. Историческая память, как вы теперь понимаете, это не просто метафора.

Он обвёл аудиторию взглядом, задержавшись на несколько секунд на каждом ряду.

— И раз уж мы заговорили об экспериментах... — профессор сделал паузу. — Если ректор одобрит участие Андрея, я предложу ему и вам кое-что интересное.

Аудитория замерла.

— Нейрокапсула способна не только погружать испытуемого, — сказал он. — Виртуальное пространство, которое она генерирует, можно ретранслировать. На большой экран.

Прямо сюда, в нашу аудиторию.

По рядам прокатился шум.

— То есть, — подал голос Димка, — мы сможем увидеть то же, что и Андрей?

— Именно, — кивнул профессор. — Вы будете видеть всё, что видит он. Слышать то, что слышит он. Наблюдать за событиями, которые разворачиваются в его сознании. Не просто смотреть кино — присутствовать внутри его памяти его предка.

— Как в прямом эфире? — крикнул кто-то с галёрки.

— Как в прямом эфире, — подтвердил профессор. — Только без возможности сопереживать. Это придется пережить только Андрею.

Студенты зашептались, переглядываясь. Кто-то заулыбался, кто-то, наоборот, напрягся.

Профессор пожал плечами.

— Это могут быть дополнительные, факультативные занятия, на которых могут присутствовать желающие из этой группы.

Он посмотрел на меня. В глазах — лёгкая усмешка. Или мне показалось?

— Так что, Андрей, — сказал он. — Ты не просто за себя теперь отвечаешь. Ты — первый зритель и первый актёр в одном лице. Вся группа будет смотреть на твои приключения в прошлом. Не подведи.

- И, обратившись к студентам, произнес – О дне и времени

проведения факультатива вам сообщит Андрей в групп-чате.

Я сглотнул.

— Не подведу, — выдавил я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Но внутри всё тряслось. Марина, Димка, вся группа — они будут видеть то же, что и я. Моих предков. Их поступки. Их страх. Их любовь.

Всё на экране.

Вот чёрт.

— Тогда, — профессор взглянул на часы, — у нас осталось двадцать минут. Успеем закончить тему? Или вы хотите сразу перейти к практике?

— К практике! — заорали с галёрки.

Профессор улыбнулся.

— Тогда ждём решения ректора. А пока — продолжим о том, что такое историческая память.

Он взял мел и повернулся к доске.

А я сидел, не видя ничего вокруг и думал — что я надеялся...

Глава 3.

Прошла неделя.

Я сидел дома, кропал халтуру за ноутбуком — какой-то мелкий сайт для знакомого, сто раз переделывал, уже зубы сводило. Мамы не было, она на работе.

Мысли не слушались. Код писался через раз, строчки расплзались, я то и дело ловил себя на том, что смотрю в одну

точку.

В голове — эксперимент. Нейрокапсула. Эпигенетика. Биороботы. Предки.

Марго с плаката ехидно улыбалась, когда мой взгляд скользил по ней.

В групп-чате жизнь кипела. Непрерывный троллинг, вопросы, смайлы.

«Андрюха, ты не боишься, что мы увидим твоих предков?»

«А вдруг они... ну там...»

«Кто-то из них точно был конюхом»

«А если прадед — маньяк?»

«Тогда понятно, почему Андрей такой»

Я отшучивался, но внутри всё сжималось.

А вдруг и правда? Вдруг они увидят то, что мне не хочется показывать? Вдруг я сам не готов?

Телефон зазвонил.

Я подскочил. Давно мне не звонили — все в переписке. Экран высветил: «Евгений Геннадьевич».

— Андрей, — голос профессора спокойный, чуть хрипловатый. — Ректор дал добро. Эксперимент состоится.

Я молчал. Сердце ухнуло куда-то вниз.

— Если ты не передумал, конечно, — добавил он.

— Не передумал, — выдавил я.

— Хорошо. Через два дня. Лабораторный корпус политеха, одиннадцать утра. Лаборатория номер шесть.

Он помолчал.

— Можешь сообщить группе, что факультатив начнется в 12.30 в нашей аудитории. Предупреди, пожалуйста, чтобы не было посторонних. Полагаю, что ты сам в этом заинтересован. Это будет закрытый факультатив. Видеосъемка в аудитории запрещена. И, Андрей... приезжай натошак. Ничего не ешь с утра. Это важно.

— Зачем? — спросил я.

— Узнаешь, — ответил профессор. — Не опаздывай.

Он отключился.

Я сидел с телефоном в руке, глядя на потухший экран.

Два дня.

Через два дня я лягу в капсулу, и вся группа увидит то, что скрыто в моих генах. Моих предков. Их позор или их славу.

Я набрал в чате:

«Добро. Через два дня. 12.30 в нашей аудитории. Посторонним вход воспрещен! Съемка запрещена. Старик предупредил».

Чат взорвался.

Два дня пролетели мгновенно.

Я почти не ел. Не спал. Нервничал так, что руки тряслись, когда я наливал чай. Мама косилась, но ничего не спрашивала — может решила, что проблемы с девушкой или с учебой.

Я не стал объяснять, что у меня внутри — эксперимент, капсула, предки, целая аудитория, которая будет смотреть на мой личный фильм ужасов.

Сны снились странные. Обрывки. Просыпался в поту, посреди ночи, и долго лежал, глядя в потолок. Утром и вспомнить ничего не мог.

А тут ещё Марина добавила.

Телефон пиликнул, когда я уже почти вырубился. Посмотрел — и сел на кровати.

«Я обязательно буду. Удачи, первый хрононавт»

Первое сообщение от неё. Вообще первое.

Я перечитал раз пять. Потом ещё.

«Хрононавт» — это она надо мной смеётся? Или подбадривает? А смайлик этот... с губами...

Внутри всё перевернулось. Сердце колотилось как бешеное.

Заколбасило меня просто по-чёрному.

Я не знал, что делать — радоваться или паниковать ещё сильнее.

Написал в ответ:

«Спасибо. Не опоздай. Буду стараться не опозориться»

Она не ответила.

А я не спал до утра.

Приехал я вовремя, в кои-то времена. Пришлось маме рассказывать, что у меня дополнительные занятия, факультатив по истории, что позавтракать не успеваю, опаздываю, по дороге прихватчу хотдог, да и столовка работает. Мама с укоризной на меня смотрела, пока я одевался в прихожей, пыталась всучить мне денег. А потом поцеловала меня в лоб.

Как будто что-то чувствовала.

Лабораторный корпус стоял в глубине кампуса, за старым парком. Я никогда тут не был. Здание оказалось серым, неприметным, без вывесок. Типичный советский бункер — и решётки на окнах.

Профессор ждал у входа.

Евгений Геннадьевич стоял, засунув руки в карманы пальто, и смотрел куда-то в сторону. Я никогда не видел его таким. Обычно спокойный, невозмутимый, он сейчас казался... взволнованным. Постукивал носком ботинка по асфальту. Переминался с ноги на ногу.

— Здравствуйте, — сказал я, подходя.

Он обернулся, посмотрел на меня внимательно, будто проверял, не сбегу ли я. А потом протянул руку. Пожал крепко, даже болезненно.

— Здравствуй, Андрей, — сказал он. — Спасибо, что пришёл.

Я пожал плечами, пряча дрожь в голосе.

— А куда я денусь.

Профессор кивнул, отпустил мою ладонь. Мы помолчали секунду. Ветер гонял по асфальту сухие листья.

И тут я неожиданно для себя спросил:

— Евгений Геннадьевич... я теперь стану хрононавтом?

Профессор замер. Открыл рот. Закрыл. Посмотрел на меня так, будто я спросил, не летал ли он вчера на Луну.

А потом расхохотался.

Громко, по-молодому, запрокинув голову. Хлопнул меня по плечу — так, что я присел.

— Конечно!!! — закричал он почти на весь двор. — Первым!

Он вытирал слёзы от смеха, а я стоял, растирая ушибленное плечо, и чувствовал, как напряжение отпускает. Профессор схватил меня за локоть и подтолкнул ко входу.

— Пошли, хрононавт. Нас ждут великие дела.

Я еле успевал за профессором.

Он мчался по коридорам — пальто развевалось, ботинки стучали по кафелю. Я — в кильватере, только и успевая вписываться в повороты, скакать по ступенькам и молиться, чтобы не споткнуться.

В голове пронеслось: куда он так гонит? Эксперимент же не убежит.

У двери с табличкой «Лаборатория 6» профессор наконец притормозил. Оглянулся, проверяя, не потерялся ли я. Потом критически оглядел меня с ног до головы — с таким видом, будто решал, годен ли я вообще к полётам.

Я выпрямился.

Профессор, видимо, остался доволен. Он достаточно торжественно открыл дверь и жестом пропустил меня вперёд.

Я шагнул внутрь и сощурился от яркого света, бьющего, казалось, отовсюду.

Первое, что я увидел, — люди. Достаточно большая группа, человек десять, все в белых халатах. Они стояли полу-

кругом, сгрудившись вокруг того, что, вероятно, и было нейрокапсулой.

Я замер.

Капсула оказалась огромной. Белый глянцевый кокон, похожий на гибрид томографа и космической капсулы. Синие огни мерцали вдоль корпуса, слышалось ровное, низкое гудение — как дыхание спящего зверя. Выделялась полупрозрачная крышка на половину капсулы. - Вероятно там будет моя голова, подумалось мне.

Но не это заставило меня замереть.

В центре группы, возвышаясь над всеми, стоял крупный мужчина с окладистой бородой. Ректор. Видел я его один раз — на первом курсе, на построении. Запомнил только фигуру и голос, густой, как из бочки. А как зовут — не помнил.

И теперь я стоял, как дурак, в полной тишине, под взглядами десятка пар глаз в белых халатах, и не знал, что сказать.

Ректор сделал шаг ко мне.

Профессор подтолкнул меня вперед со словами – Вот наш герой, Никита Федорович.

— Здравствуй, Андрей, — сказал он, подходя ко мне и протягивая руку

— Ждали тебя. Готов ?

Я открыл рот.

— З-здравствуйте, — выдавил я. И тут же мысленно выругался. Заикнулся. На ровном месте.

Профессор за моей спиной кашлянул.

Я подобрался и выпалил, прикладывая ладонь к виску — К старту готов!

Кто-то из учёных хмыкнул. Тишина разрядилась.

Ректор улыбнулся по-доброму, посмотрел на Евгения Геннадьевича, — Да он у тебя герой, — сказал ректор.

Андрей, — обратился ректор уже ко мне. — Это, конечно, не экзамен. Хотя, — он усмехнулся в бороду, — результат, конечно, будет зачётный. — Проходи, — и указал мне вглубь лаборатории.

Я сделал глубокий вдох и шагнул вперёд.

Ко мне подскочили две симпатичные девушки в белых халатах.

— Андрей? — улыбнулась одна, блондинка с короткой стрижкой.

— Ага, — только и успел сказать я.

Они практически подхватили меня под руки и повели в другую комнату. Я даже не успел оглянуться на профессора. Мелькнула мысль: «Куда вы меня тащите?» — но вслух я ничего не спросил, покорно переставляя ноги.

В соседнем помещении пахло спиртом, стерильностью и чем-то ещё, неуловимо медицинским. Комната была небольшой, зато плотно набитой оборудованием — какие-то мониторы, шланги, датчики, ширма на колесиках, кушетка, застеленная белой простынёй.

Я замер у входа.

В двери, из — за моей спины, появился мужчина. Лет пя-

тидесяти, с аккуратной бородкой, в очках в тонкой оправе. Белый халат сидел на нём идеально — сразу видно, что носит не для галочки.

— Меня зовут Константин Сергеевич, — сказал он, обойдя меня. Голос спокойный, уверенный. — Я буду контролировать ваши медицинские показания во время эксперимента.

Он оглядел меня с ног до головы, будто сканировал.

— А пока, — продолжил он, — вам необходимо переодеться, пройти осмотр и сдать анализы.

Я кивнул, стараясь не выглядеть испуганным.

— Кстати, — Константин Сергеевич посмотрел на меня поверх очков, — вы ведь не завтракали?

— Нет, — ответил я. — Как и просили. А почему так ?

— Мы не можем предсказать Вашу реакцию на эксперимент, — пояснил доктор, — Бывали, знаете ли, случаи приступов тошноты у испытуемых в капсуле.

Он одобрительно качнул головой, поправил очки на переносице и указал на высокую белую ширму в углу комнаты.

— Пройдите туда, пожалуйста. Переоденьтесь.

Я шагнул за ширму.

Там оказалась вешалка с комбинезоном, свисающим с плечиков, и маленькая тумбочка для вещей. Комбинезон был из тонкой голубой ткани на завязках, никаких молний или пуговиц — что-то среднее между пижамой и больничным бельём. На вид свободный, почти невесомый, со стран-

ными клапанами – окошечками, разбросанными по нему.

Я начал раздеваться.

— Раздевайтесь совсем полностью! — донёсся до меня тоненький девичий голосок. — Не оставляйте на себе никаких предметов.

Я замер. Рука застыла на ширинке.

— У вас пирсинга нет? — спросил другой голосок, ехидный и явно улыбающийся. И тут же хихикнул.

Я хмыкнул про себя, но отвечать не стал. Пирсинга у меня не было — однажды попробовал, снял через неделю, дурацкая затея.

Быстро стянул джинсы, футболку и всё остальное. Натянул комбинезон — он оказался действительно свободным, не жал, не давил, ткань приятно холодила кожу. Завязался. Дёрнул плечом — сидит нормально.

Интересно было бы на себя взглянуть в таком виде. Со стороны, наверное, смешно. Лишь бы в трансляцию для аудитории не попасть. Увидят, как болтается кое - что между ног — засмеют.

— Готовы? — спросил Константин Сергеевич.

— Да, — сказал я, отодвигая ширму.

Дальше всё было обыденно. Даже скучно.

Осмотр — как у терапевта в поликлинике, только внимательнее. Константин Сергеевич слушал дыхание, заставлял дышать глубже, не дышать. Постукивал молоточком по коленям и локтям — нога дёргалась сама собой, я невольно

усмехнулся.

Он посмотрел поверх очков, но промолчал.

Потом я себе пальцем в нос тыкал с закрытыми глазами, доктор зачем-то светил фонариком в глаза и заставил прочитать несколько букв из таблицы на стене.

Дальше — давление. Манжета надулась, сжала руку почти до хруста. Цифры на мониторе запрыгали.

— Норма, — кивнул Константин Сергеевич.

И потом — кровь из вены.

Бррр!

Как я не люблю, когда в меня иголками тычут. Отвернулся, сжал зубы, зажмурился на секунду. Иголка скользнула — я даже не понял, когда именно.

— Всё, — сказал кто-то из девушек. — Отлично, с первого раза.

Я открыл глаза. Пробирка с моей кровью — тёмной, почти чёрной в стекле — стояла в штативе. Аккуратно. Не больно. Или я просто на адреналине ничего не почувствовал?

Медсестричка схватила пробирку и метнулась к здоровенному агрегату, стоящему в углу, переливающимся мигающими разноцветными огоньками.

Я вопросительно взглянул на доктора. — Это сепаратор, мы в нем раскладываем Вашу кровь с выделением структур ДНК и эпигенетических меток. Данные, затем, поступают в процессорные узлы для генерации искусственным интеллектом виртуальной реальности. Ну это если простым языком,

- улыбнулся Константин Сергеевич.

— Ну – с, молодой человек, можно идти в лабораторию, произнес доктор, хлопнув меня по колену. — Начинаем.

Там меня уже ждали.

Двое молодых людей в белых халатах отделились от группы и шагнули навстречу.

— Здравствуйте, — строго сказал один, коротко стриженный, с цепким взглядом. — Мы техники. Сейчас будем Вас подключать.

Второй кивнул, не улыбнувшись. Деловые такие. Никакой лирики.

Я покрутил головой, оглядываясь. Ректор и профессор стояли невдалеке, внимательно следя за происходящим. Евгений Геннадьевич поймал мой взгляд, одобрительно кивнул и поднял вверх большой палец.

Я поднял тоже, в ответ.

Крышка капсулы была открыта. Белый гляцевый кокон зиял чёрным нутром, рядом стояла маленькая приступочка — три ступеньки, обтянутые резиной.

— Забирайтесь, — сказал первый техник, указывая на приступку. — Садитесь сначала, потом ноги вытягивайте и ложитесь. Голову — в полусферу.

— Руки вдоль тела, — добавил второй. — Не скрещивайте.

Я кивнул. Влез на приступку, сел на край капсулы, втянул ноги внутрь. Гелевый наполнитель подо мной оказался упру-

гим и прохладным. Я лёг — и он начал принимать форму моего тела, обволакивая, погружаясь.

Тепло. Уютно. Как в ванне, только сухо.

— Не бойтесь, — услышал я голос кого-то из техников.
— Это нормально.

Я почти провалился наполовину. Гелевая масса держала, не давила, не сковывала. Лежать было странно приятно.

Надо мной нависли лица техников. Они начали подключать датчики — провода, липучки, круглые пластины, тянущиеся из стенок капсулы. Я понял, для чего были в комбине-зоне предусмотрены эти клапаны и специальные отверстия — аккуратные, с пластиковыми окантовками. Через них и лепили. Датчики плотно прилипали к обнаженному телу, даже мурашки побежали.

— Дышите спокойно, не шевелитесь, — сказал кто-то. — Сейчас непривычно, потом привыкнете.

Я лежал, прислушиваясь к происходящему. Короткие, непонятные реплики техников перелетали над моей головой. Я не понимал ни слова — какие-то «электроды», «калибровка», «альфа-ритм».

Оставалось только ворочать глазами.

Потом из изголовья вытянули полусферический шлем — он состоял из множества узких полосок, похожих на рёбра, и кучи тонких проводов. Техники начали аккуратно надевать его мне на голову.

— Не двигайтесь, — попросил один.

Я и не двигался. Голову зафиксировали до неподвижного состояния — я даже повернуть её не мог. Только смотреть прямо в потолок, где горели яркие лампы.

— Мужики, — тихо прошептал я. — Фотку сделайте для меня, пожалуйста. На память.

Оба техника замерли. Переглянулись.

— Все-таки первый хрононавт, — сказал я, слегка при-
врал про девушку. — Как меня обозвала... моя девушка.

Первый техник усмехнулся. Второй достал телефон.

— Улыбнитесь, — сказал он.

Я улыбнулся, насколько позволяли зафиксированные челюсти.

Щёлкнул затвор.

— Готово, — сказал техник.

— Спасибо, — выдохнул я.

Профессор подошёл ближе, наклонился надо мной.

— Андрей, — сказал он негромко. — Ты молодец. Всё будет хорошо. Ты в любой момент можешь остановить эксперимент. Просто скажи «стоп», и система выключится.

— А если я не вспомню, как говорить? — спросил я.

— Вспомнишь, — усмехнулся профессор. — Это инстинкт.

Он выпрямился, кивнул техникам.

— Крышку закрываем.

Я услышал тихое шипение. Полупрозрачный колпак начал медленно опускаться, закрывая меня от мира. Свет сна-

ружи становился всё тусклее.

Потом — темнота.

И тишина. Последнее, что я увидел, это 12:00 на часах над входной дверью. И мысль промелькнула — как там народ, собрался? И Марина... А профессору еще бежать и бежать до нашей аудитории...

И я исчез из этой реальности.

Глава 4.

Сначала был звук.

Шум голосов — не разобрать слов, только гул. Ржание лошадей, тяжёлое, с хрипотцой. Звяканье металла — о металл, или о камень, или ещё о что-то. Посвистывание ветра, холодного, сырого.

Потом запахи. Пот, немытое тело, железо, лошадиный навоз и ещё что-то — дым, снег, болото? Я не понял.

Я приоткрыл глаза. Вернее, попытался. Не получилось.

Резкость проявлялась постепенно.

Голова тела, в которое я попал, смотрела вниз. Я видел узловатые, обветренные руки. Они лежали на коленях, обтянутых кожей — кожаными штанами, грубыми, потёртыми. В руках — меч. Не такой, как в фильмах про рыцарей, а простой, тяжёлый, с блестящим лезвием. Правая рука методично водила точилом по лезвию: шварк-шварк, шварк-шварк.

— Мать моя женщина, — пронеслось в голове. — Куда это меня занесло?

Мысли метались, как мыши в банке. Чья голова? Моя или

его? А кто он? Какого века? Где я?

Тааак. Надо успокоиться и начать разбираться.

Я попробовал повернуть голову.

Ничего. Вообще ничего. Мышцы не отозвались. Голова даже не дрогнула.

Я попробовал перестать точить меч. Сжать пальцы. Разжать пальцы. Хоть как-то изменить движение.

Тело меня не слушалось.

Ну вот вообще.

Ага, — понял я. — Я просто пассивный наблюдатель. Сижу в чужом теле, как пассажир на заднем сиденье. Только смотреть и слушать.

Но, чёрт, холодно-то как!

Холод пробирал сквозь кожу, сквозь эти кожаные штаны, сквозь невидимую мне шерстяную рубаху. Ветер задувал под одежду, леденил спину. Я слышал его свист, видел, как колышутся тёмные ветки голых кустов где-то на краю зрения.

Слышу. Вижу. Чувствую.

Но сделать ничего не могу.

Чужое тело продолжало точить меч. Шварк-шварк. Шварк-шварк. Методично, спокойно. Человек, в котором я сидел, не нервничал. Или умел скрывать.

А я нервничал. И скрывать не умел.

И что теперь? — подумал я.

Шварк-шварк. Шварк-шварк.

Рука с точилом замерла.

Передо мной появились ноги в сапогах. Кожаных, грубых, с загнутыми носами. Остановились прямо перед моими — точнее, перед его — коленями.

Взгляд скользнул вверх. Мелькнула ладонь в кольчужной перчатке — железо тускло блеснуло в сером свете — и хлопнула меня по плечу. Не больно, но весомо. По-свойски.

— Ярослав, нам пора, пошли, — произнёс голос. Хрипловатый, спокойный. Командирский.

Тело вздохнуло — тяжело, с хрипотцой — и начало подниматься. Я почувствовал, как заныли колени, как хрустнула спина. Не молод. Точно не молод.

Меч щёлкнул в ножнах.

И тут я увидел.

Всё.

Я стоял за спинами нескольких шеренг воинов. Славянских ратников — в стёганных поддоспешниках, в кольчугах, с топорами и копьями. Они выстроились плотно, плечо к плечу, вдоль края ровной белой поверхности, которая простиралась вдаль, до самого горизонта.

Лёд.

Озеро.

— Как же всё реально! — пронеслось в голове. — Сто процентов. Как такое возможно?!

Я хотел шевельнуть языком по привычке. Сказать хоть что-нибудь, выругаться, спросить — «Вы че, вообще?»

Но нет.

Тело молчало. Язык не слушался. Я сидел внутри, как в тюрьме, и только смотрел.

А вокруг было холодно. По-настоящему холодно, не так, как в городе в октябре. Ветер дул с озера — сырой, пронизывающий, он забирался под чужую одежду, леденил чужую спину, заставлял чужое тело ёжиться. Небо висело низкое, свинцовое, в разрывах облаков угадывалась бледная синева, но солнца не было — только серый свет, разлитый по всему небу и льду.

Лёд был грязноватым, в трещинах, кое-где торчали прошлогодние камыши. Далёкий берег тонул в дымке.

Сзади, за моей спиной, шумел лес. Сосны, ели — тёмные, замшелые, они казались живыми стенами, из которых мы вышли.

Я стоял и смотрел. Чувствовал чужое дыхание, чужой ровный пульс, чужую тяжесть в руках — меч тянул плечо.

И ничего не мог сделать.

Ну и что теперь? — подумал я.

По льду, вдоль берега, медленно ехал всадник. Белый жеребец ступал осторожно, словно тоже боялся трещин. Всадник вглядывался в ряды воинов — прищурившись, поворачивая голову то влево, то вправо.

Броня на нём сверкала даже в сером свете — украшенная, дорогая, не такая, как у простых ратников. Шлем — острый, славянский, с бармицей, закрывавшей затылок и шею. Из-под шлема виднелась рыжеватая борода.

Рядом, чуть позади, ехал другой всадник. В руках у него было что-то на длинном древке — то ли знамя, то ли вымпел, то ли стяг. Полотнище билось на ветру, я не разбирал цвета.

Князь, — подумал я.

И как будто в подтверждение, откуда-то из рядов донеслись негромкие шепотки:

— Княже... наш княже...

— Александре Ярославич...

— Батюшка...

— С нами Бог, княже...

Голоса звучали приглушённо, но в них чувствовалось что-то тёплое. Почти домашнее. Не страх, не подобострастие — вера. Верили ему. Шли за ним.

Шеренги закачались. Копья воинов дрогнули — сначала одни, потом другие, будто ветер прошёлся по озеру и добрался до нас. Кто-то выпрямился, подтянулся. Кто-то сжал древко копья так, что оно заскрипело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.